

С.В. ЦИРЕЛЬ

Классификации путей к государственности и демократии

В статье предлагается новая классификация ранних политий. Первичными автор называет политии, которые ко времени формирования государственности достигли определенного уровня технологической и организационной зрелости. Вторичными – те, в которых обстоятельства борьбы с более развитыми соседями привели к появлению скороспелой “вторичной” государственности. Вторичные политии отличаются неустойчивостью, незрелостью форм, гипертрофированной военной функцией, однако именно они породили разнообразие современных государств и даже культур, в том числе и современные демократии в Западной Европе.

Ключевые слова: политии, ранние государства, кочевые империи, протодемократии, институты, теплые и холодные культуры, демократизация, авторитаризм.

In article a new classification of early polities is offered. The author names primary those polities which to time of formation of statehood have reached certain level of a technological and organizational maturity. Secondary – in polities appears circumstances of struggle against more developed neighbors have led to occurrence of early “secondary” statehood. Secondary polities exhibit instability, the immaturity of forms, hypertrophy of military function, however they have generated a variety of the modern states and even cultures, including modern democracies in the Western Europe.

Keywords: politics, early states, nomad emperies, protodemocracies, institutes, warm and cold cultures, democratisation, authoritarianism.

Для классификации таких исторических феноменов, как общества, стадии, формации, цивилизации и т.д., используются два конкурирующих принципа:

- соединение в один класс или иной таксон сообществ одного уровня развития (по нескольким или хотя бы одному параметру);
- соединение в единый таксон сообществ существующих одновременно, взаимодействующих или хотя бы испытывающих влияние одних и тех же факторов (например, климатических).

В исторических дисциплинах при этом невозможно четкое разделение указанных подходов, как это имеет в место, в биологии, где базовые принципы таксономии достаточно близки к первому принципу, а экология и смежные с ней дисциплины – ориентированы на второй принцип. Классический марксизм, например, определенно предпочитал первый принцип¹, хотя и делал множество исключений. Современный

¹ Производительные силы определяют производственные отношения и с ними совместно составляют базис общества, от которого зависит надстройка, представляющая собой совокупность социальных, прежде всего политических и правовых, отношений и форм общественного сознания.

мир-системный марксизм явно ориентирован на второй принцип. В единую систему объединяются сосуществующие и взаимодействующие сообщества явно разного уровня развития, да и имеющие зачастую разные пути трансформации.

Можно указать на два достаточно очевидных соотношения между названными принципами. Во-первых, чем глубже в истории и (географически) дальше располагаются сравниваемые сообщества, тем, как правило, менее тесны связи между ними и тем важнее первый принцип. И наоборот, по мере движения к современности растет роль второго подхода. Для совсем древних и дальних сообществ первый принцип – определяющий: сообщества Старого и Нового Света мы сравниваем именно по уровню развития, хотя это не всегда удобно и продуктивно (путь трансформации тех и других далеко не одинаков), но другой возможности просто нет. Во-вторых, несмотря на явную противоположность двух принципов классификации, весьма наглядную в биологии, в истории между ними на самом деле нет столь четкой границы.

Рассмотрим в качестве примера классическое понятие “общества бронзового века”. С одной стороны, все общества бронзового века объединяет явно выраженная черта технологического развития (производительных сил в марксистской терминологии). Казалось бы, налицо классификация, основанная на первом принципе, однако на самом деле все обстоит несколько иначе. Уровни развития социальных структур обществ, использующих бронзовые орудия, могли существенно различаться между собой. Эти общества могли строить или не строить города, иметь или не иметь письменность и государственность, и т.д. Даже по уровню технологического развития они могли быть разными, в том числе и по применению самих бронзовых изделий, на котором и основано выделение бронзового века. Одни сообщества могли быть лидерами в металлургии и/или производстве бронзовых орудий и украшений, а другие – лишь пользоваться изделиями чужих умельцев. В результате классическая классификация по материалу орудий оказывается ближе ко второму принципу, чем к первому. Ведь она объединяет одновременно существующие и как-то взаимодействующие сообщества, а не сообщества одного стадийного уровня. Однако, хотя даже классический пример бронзового века оказался сложным для нашей классификации, это не повод от нее полностью отказываться. Например, для орудий каменного века она работает гораздо лучше. Труднее всего ее применить для анализа современного мира, где все тесно связано и перемешано между собой. Поэтому я обращусь к более ранним эпохам – к временам образований ранних политий и, в частности, первых государств.

В работах Л. Гринина (см., например, [Гринин, 2006; Гринин, Коротаев, 2009]) приведена развернутая и скрупулезная классификация ранних политий. При ее составлении авторы, как мне представляется, рассматривали разные пути образования ранних политий, но в первую очередь исходили из того, что все они имели достаточно близкие уровни развития технологий и социальных структур хотя бы по некоторой части параметров, их характеризующих. А огромное множество вариантов развития объясняли главным образом привычкой эволюции (если смотреть на нее как на некую персонализированную сущность) действовать методом проб и ошибок. Поэтому для поиска наилучшей формы организации жизни достаточно больших и плотно заселенных человеческих сообществ эволюции пришлось перебрать много вариантов и основную часть из них отбросить как неоправдавшую себя. Такой процесс имеет множество аналогов в биологии: примерно таким образом произошло возникновение классов птиц, млекопитающих и т.д.

Как появление, так и исчезновение разнообразия ранних политий отвечает закону Седова (об иерархических компенсациях), утверждающему, что в сложной иерархической системе рост разнообразия на верхнем уровне обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях, и наоборот, рост разнообразия на нижнем уровне иерархии разрушает верхний уровень организации [Седов, 1993; Назаретян, 2004; Цирель, 2005]. Уточню, что поначалу первые политии представляют собой верхний уровень иерархии, на котором формируется множество вариантов, заполняющих вновь образованную нишу социальных устройств (так называемое “архаическое многооб-

разие” [Мамкаев, 1991]). Но для того, чтобы над немногочисленными выбранными “естественным отбором” наилучшими (наиболее живучими) формами образовались следующие надстройки (например, суд и полиция), менее живучие формы маргинализируются, а чаще и вовсе отмирают. При этом государство становится одним из нижних уровней классификации социальных институтов, над которым надстраиваются различные виды государств (монархии, олигархии, демократии...) и их институтов.

Но как ни странно, описанная закономерность – лишь одна из причин разнообразия форм ранних политий, восходящая к первому принципу построения классификаций. Есть и вторая причина, восходящая ко второму принципу, которая лишь вскользь затрагивается в статьях и книгах.

В работах Н. Крадина и П. Турчина [Крадин, 2000; Turchin, 2009] и ряд других исследователей указывается явная и значимая корреляция между размерами обществ кочевников и противостоящих им земледельческих оседлых империй. Рост размеров кочевых сообществ лишь в малой степени был вызван развитием социальных структур кочевников. На это указывают догосударственные традиции, сохранявшиеся в самом сердце огромных кочевых империй, отсутствие собственной письменности. И еще более – полная деградация многих кочевых сообществ при распаде и потере связи с оседлыми империями, для борьбы с которыми они создавались. Кочевые политии (империи Чингисхана, Хунну, Жужаньский каганат, оба Тюркских каганата и т.д.) едва ли не бесследно деградировали из огромных империй в догосударственные сообщества².

Имеет смысл предполагать или даже смело утверждать, что подобный тип ответа на вызов истории характерен не только для достаточно поздних кочевых сообществ. Если более передовые соседи объединялись в государства, пусть и не очень большие, но с достаточно организованной армией и системой сбора дани, то они получали немалые преимущества при торговых обменах и военных стычках. Тогда племенам, соседствующим с ними, приходилось также объединять усилия, несмотря на малую готовность к государственности.

Выдвинутое предположение позволяет предложить иной, нетрадиционный, подход к вопросу первичных и вторичных ранних политий. Как правило, деление на первичные и вторичные политии и города основано на времени появления и оценке уровней заимствования у уже существовавших к тому времени культур. Уровень заимствования (и обратная по смыслу характеристика “степень самостоятельности”) – трудноизмеримые величины. Поэтому списки первичных политий варьируют у разных авторов, минималистские списки включают лишь Египет, Шумер, Китай (Шан или прототетическое Ся) и две цивилизации в Новом Свете. Максималистские списки доводят количество первичных государств до одного или даже двух десятков. В самом жестком варианте первичными считаются даже не сами политии, а культурные области – ближневосточная (переднеазиатская), дальневосточная и американская.

Я предлагаю определять первичные и вторичные государства не по величине заимствований, а по столь же трудноопределимой естественности пути их трансформации. Начиная с работ Р. Карнейро [Carneiro, 1970] принято считать, что важнейшими факторами образования ранних политий были рост плотности населения и конфликты с соседями. В моем понимании вторичный путь – это такой путь, при котором образование “большой политии” вызвано главным образом необходимостью противостоять более развитым соседям или желанием поживиться их богатствами (эти мотивы часто сильно перемешаны между собой, но я не буду проводить их моралистическое различие). Не буду и рассматривать, в чем природа больших богатств сложившихся политий – в более развитых технологиях (более высоком уровне производительных сил), высоком уровне культуры и/или лучше организованном производстве и использовании избыточного (нужного для удовлетворения более сложных потребностей, чем физическое выживание) продукта. Для меня эти спорные различия менее существенны, чем другие факторы.

² Хотя, конечно, великое историческое прошлое никогда не выпадало из культурного багажа и проявлялось подчас самым неожиданным образом в поворотные исторические моменты.

Приведу два примера. Первый – образование раннего государства (например, Египта) в мире догосударственных политий. Естественно предполагать, что главными при образовании Египта как целого (для отдельных номов – иная ситуация) были внутренние процессы. Противоположная ситуация – догосударственная и относительно ранняя культура, оказавшаяся между сложившимися или складывающимися государствами. Если искать в непосредственной близости от России, то можно указать на судьбы различных финских и балтийских племен в X–XII вв. Из них лишь Литва сумела создать в ускоренном порядке свое и достаточно сильное государство, а все остальные попали под власть более развитых и мощных соседей. Сейчас не буду разбирать ни причин таких различий, ни их дальних последствий. Просто зафиксирую его.

Итак, рассмотрим базовую ситуацию. Существует некая ранняя и даже не очень ранняя полития X (и возможно также политии Y , Z и т.д.), а рядом с ней находятся племена, вождества и другие догосударственные образования. Если полития X (и ее развитые соседи Y , Z ,...) не находится в состоянии полного упадка, то она представляет и грозную опасность, и лакомый кусок для более слабых и отсталых соседей. Чтобы реализовать свои замыслы, соседям необходимо в ускоренном порядке усовершенствовать свою организацию до такого уровня, чтобы они могли выставить “армию” из примерно такого же количества воинов, обладающих примерно таким же уровнем вооружения. Дальнейший ход процесса зависит от уровня организации, отношений и выбираемых тактик (употреблю это слово во множественном числе, ибо планы и обстоятельства могут меняться). Некоторые соседи близки к X не только географически, но также по культуре, языку, уровню развития. Тогда у них есть две крайних тактики – подчиниться X на почетных условиях или, наоборот, срочно превратиться в X_2 и вступить в схватку с X_1 . Несмотря на огромные политические различия обоих путей – для нас они близки между собой, и то и другое лишь подталкивает либо естественный процесс создания политии и культуры, родственной X , либо естественное расширение X , включающее усвоение элементов культуры ассимилированных народов. С моей точки зрения, и то и другое – это естественные первичные процессы, расширяющие и обогащающие политию X и ее культуру.

Теперь обратим внимание на других соседей X , более бедных и отсталых, а также и более далеких от X по языку и культуре. Разумеется, и они могут пытаться договариваться с X о сдаче на почетных условиях, только шансы выполнения этих условий весьма призрачны, а самые почетные условия могут оказаться очень тяжелыми для основной массы населения, мнящей себя более или менее свободными людьми. Кроме того, они вообще могут не успеть ничего сделать до вторжения армии X .

Но предположим более оптимистический вариант. В силу тех или иных причин история отпустила достаточно времени для ответа на реальные или вымышленные проiski X . Тогда для противостояния X “отсталые” соседи могут добровольно объединиться под руководством самого сильного вождества (или вождества с наиболее харизматичным вождем). Или, напротив, самое сильное вождество или самый амбициозный и харизматичный вождь может попытаться поднять под себя более слабых соседей. В любом случае либо при объединении, либо при ведении войны за объединение им потребуются новые формы организации, которых они не имели в своем прежнем, независимом друг от друга состоянии. Источниками этих форм может выступить X (у кого черпать секреты организации и военного искусства, как не у сильного и успешного врага), эти формы либо могут возникнуть из собственных, не получивших доселе развития элементов культуры, либо сформироваться *ad hoc* в сложном процессе объединения. Кроме того, могут существовать некоторые дальние образцы, например, реальных или вымышленных противников и предшественников X , и т.д. В любом случае вновь созданные государствовподобные обычаи – это прежде всего обычаи верхушки победившего вождества или объединившихся вождеств, а отнюдь не основной части населения, не готовой к быстрым переменам, если они не несут немедленных благ.

В этом подходе, как мне представляется, лежит один из способов разрешения противоречия между двумя способами объяснения появления демократических

сообществ. Как известно, одни политологи [Даль, 2003; Collins, 1999; Розов, 2010] утверждают, что демократические государства образуются тогда, когда долго борющиеся за власть кланы не могут одолеть друг друга и в конце концов договариваются о перемирии и более или менее устраняют насилие из способов борьбы за власть. Иногда эти соглашения имеют успех, превращаются в традицию, ну а впоследствии так образуются демократические общества. При этом, правда, непонятно, почему века или даже тысячелетия привычки к единоличной власти настолько забываются, что никакой харизматический лидер не может воззвать к этим традициям и презреть какие-то элитные договоренности, перечеркнувшие дедовские обычаи.

Оппонирующая сторона [Welzel, Inglehart, 2005; Тилли, 2007] утверждает, что в данном случае описывается лишь один из механизмов реализации движения к демократии. Реальная основа образования устойчивых демократических обществ состоит в демократических традициях, обычаях, институтах и т.д. тех или иных народов. Вторая точка зрения представляется мне более убедительной, но в то же время нельзя не признать, что при таком подходе загадка образования демократических сообществ заменяется загадкой образования демократических институтов, обычаев, традиций. На мой взгляд, описанный только что механизм проливает некоторый свет на эту загадку. Если племя³, еще не готовое к образованию классических форм авторитарной монархической власти, вынуждено объединяться для противостояния своим “раннегосударственным” соседям, то оно при объединении во многом опирается на свои протодемократические обычаи. Таким образом, эти аналоги раннего государства зачастую имеют многие демократические черты, которые иногда длительное время сохраняются в институтах и традициях. Причем это никак не противоречит классическому подходу. Образование большой политики было насущной потребностью, и для ее реализации в форме убедительной победы одного из кланов, закрепления ее в виде монархии и монархических институтов просто не хватило времени. Для ускорения процесса пришлось закрепить полиархию и немалые права простых отцов семейств. Если при протодемократической форме правления была одержана победа над *X* (а иначе это общество и не оставило бы отчетливого следа в нарративных или археологических источниках), то тем самым был сделан и первый шаг к закреплению полиархии и протодемократических институтов.

После всех этих слов, которые могли бы быть поняты как хвалебные по адресу демократических аналогов ранних государств, отмечу, что абсолютное большинство протодемократических сообществ, вообще-то говоря, были разбойничьими. Речь идет и о древних греках, и о викингах, и о малайских пиратах, и о горских народах Кавказа (о частоте демократических норм у горских народов см. [Коротаев, 1995]). В таких сообществах каждый вооруженный разбойник (или вождь малой шайки) мнил себя самостоятельным хищником и не хотел подчиняться вождеской или царской власти, характерной для более зрелых обществ. Именно для таких протодемократических, а также развитых демократических сообществ характерно одновременное существование наряду с категориями (категорией) необычайно свободных и имеющих права граждан больших категорий полностью не свободных людей, даже не имеющих статуса человека. Примерами тому служат и античное рабство, рабство в европейских колониях и США XIX в., в том же ряду находится и торговля людьми (заложенность), практикуемая многими кавказскими народами.

Завершая тему образования демократических обществ, добавлю, что западноевропейские феодальные общества не только первоначально сформулировались таким путем, но при этом еще в качестве образца имели демократии Греции и Рима (и в какой-то мере эпоху судей древнего Израиля). Конечно, образцы античной демократии были несколько искажены реалиями империй Диоклетиана или Константина и всей византийской историей (которую западноевропейские мыслители отвергали, хотя пользовались кодексом Юстиниана и многими культурными достижениями Византии). Тем не менее вдохновляющим фактором долго оставались античные демократические

³Здесь понятие “племя” противопоставляется понятию “вождество”.

идеалы и законы, уходившие в тень и вновь выходящие на авансцену европейской истории при малых и большой эпохах Возрождения.

Таким образом, устойчивые общества западного типа образовались при совпадении двух условий. Первое, общее для всех протодемократий, – близость народа с племенным устройством и торгово-разбойничьими обычаями к крупным ранним государствам и необходимость им противостоять (как с целью самозащиты, так и ограбления). Второе, реализованное лишь в Европе, – наличие древних великих образцов не только и не столько самодержавных империй, но и успешных демократий.

Как мне представляется, именно существование почитаемых традиций великих демократий древности спасло Европу от перерождения в восточную империю (например, в XV в. во время доминирования Испании), которым закончили все прочие знаменитые демократии и протодемократии, включая Грецию и Рим. Подчеркну, что необходимы оба условия. Другие наследники античности без подпитки кельтских или германских протодемократических обычаев не удержались на прежнем пути. Византия и Северная Африка остеренизируются (первая – постепенно, а вторая – скачком). Другая прямая наследница Рима – Венецианская республика, несмотря на название формы правления, была одним из самых олигархических государств Европы. А квази-феодалная эпоха Чжоу в Китае предшествовала исключительно жесткой и жестокой автократии Цинь Ши-хуанди.

Впрочем, наличие протодемократического прошлого или даже некоторых протодемократических обычаев в прошлом, хотя не и перекрывает возвращение к генеральной линии развития – сообществам восточного типа, но оставляет неизгладимые следы в культуре этих стран. Например, Турция, Ливан и Тунис, несмотря на весьма длительные имперские периоды своей истории, имеют более демократические обычаи, чем большинство мусульманских стран. Еще более наглядны следы протодемократического прошлого в дальневосточных окраинах китайской цивилизации. Япония, Гонконг и, особенно, Тайвань и Южная Корея под влиянием Запада вестернизировались значительно сильнее, чем материковый Китай (где также сохранились различия сравнительно авторитарного и “государственнического” Севера и более либерального Юга). Попутно отмечу, что в Корее не только либерализация и демократизация, но даже христианизация охватила значительную часть населения⁴.

Возвращаясь к основной теме, еще раз подчеркну, что изобилие вариантов и аналогов ранних государств образовалось не только и не столько из-за привычки эволюции действовать методом проб и ошибок, а из-за необходимости недостаточно зрелых племен и вождей противостоять ранним политиям. Для политий второго типа хотя отнюдь и не обязательны, но весьма характерны:

- гипертрофированная военная функция;
- большие размеры (и большая численность населения), характерные скорее для более развитых государств;
- слабое развитие других, невоенных, функций (например, характерные институты полудья, объезда своих владений вместо регулярного сбора налогов);
- множество подражательных или просто скопированных институтов;
- большая скорость образования и часто большая скорость распада, сопровождающаяся полной деградацией.

Отмечу, что наименее устойчивыми оказывались именно большие вторичные политии. Исчезновение сильных врагов и/или харизматических фигур их основателей (например, Атиллы) приводило к исчезновению самих политий. При этом достаточно часто те или иные обычаи и формы правления, не удержавшиеся на имперском уровне, проявляли большую живучесть на локальных уровнях. Относительно большие протогосударства или супервождества ранней Европы (включая и Империю Карла

⁴ По данным переписи 1995 г., христиан в Южной Корее несколько больше, чем буддистов (26% против 23%), хотя китайская традиция выполнять обряды нескольких религий одновременно и огромная доля атеистов (49% населения), конечно, показывают, что это не признак полной вестернизации, а лишь указание на ее большое влияние.

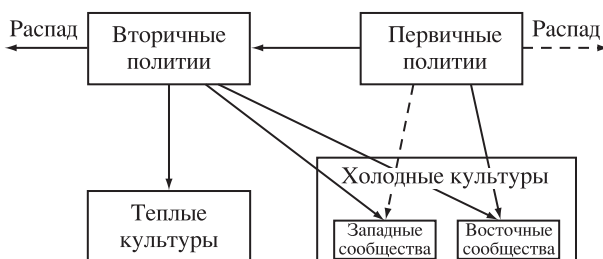

Рис. 1. Образование теплых и холодных культур.

Великого и Киевскую Русь) распались, а сформировавшиеся внутри них мелкие княжества, земли, графства и т.д. оставались жить. Конечно, не все такие сообщества закончили свой путь распадом, сопровождавшимся полной деградацией. Другой путь, описанный выше, состоял в том, чтобы превратиться в развитую политику со зрелыми институтами западного или восточного типа.

На первый взгляд, список путей, о которых уже шла речь, исчерпывает все имеющиеся возможности. Тем не менее остается еще по меньшей мере один вариант, не укладывающийся в схему “Запад–Восток”. Незрелая политика с плохо сформированными институтами могла после влияния политики *X* с одними обычаями испытать влияние политики *Y* с другими обычаями, и наконец, политики *Z* с третьими обычаями. Если незрелая политика устояла в борьбе со всеми разнообразными врагами (то ли за счет воинственности и солидарности своего населения, то ли за счет географических особенностей, то ли просто везения) и при этом испытывала разнородные влияния, то незрелость и неустойчивость институтов могут сами стать устойчивой традицией. Такие культуры я назову “теплыми” в отличие от обычных “холодных” культур с устойчивыми институтами (см. рис. 1).

Введу более строгие определения. Холодные общества – это те, где люди договорились о правилах игры (неважно, как они называются – законы, обычаи, традиции, сакральные заповеди и т.д.) и более не нуждаются в налаживании личных отношений для разрешения стандартных ситуаций (наиболее близки к этой дефиниции западные страны и страны Юго-Восточной Азии). В таких обществах основное разнообразие институтов сосредоточено на верхних уровнях иерархии и предназначено для разрешения сложных ситуаций. “Теплые” общества – это те, где люди, наоборот, не сумели договориться об общих правилах и вынуждены компенсировать отсутствие таковых (иначе говоря, одновременное существование различных правил) личными взаимоотношениями (в том числе коррупционного характера) или временными драконовскими правилами и виртуальной мистической связью каждого с вождем. Отсутствие действенного права вынуждает перманентно обращаться к его первоисточникам, в том числе к представлениям о справедливости, поэтому справедливость, часто понимаемая как всеобщее равенство доходов и даже равное бесправие, занимает высокое место в шкале ценностей. И в то же время отсутствие регулятора справедливости (права, обычая и т.д.) очень часто ведет к большей несправедливости и большему имущественному расслоению, чем в “теплых” обществах. В настоящее время можно даже указать формальный экономический критерий выделения “теплых” обществ – значение коэффициента Джини $\geq 0,4$ ⁵. Если попытаться сравнить эту оппозицию с классической оппозицией Запад vs Восток, то легко заметить, что оппозиция Запад vs Восток характеризует в первую очередь тип институтов, а оппозиция “холодные” общества vs “теплые” общества – количество институтов и их устойчивость. Нетрудно понять, что к “теплым” культурам прежде всего относится Россия и ее западные соседи, а также Латинская Америка. Еще

⁵ Исключением из данного правила является лишь Гонконг с его специфической экономикой. А в настоящее время, безусловно, “холодное” общество США приближается к этому значению, что, по-видимому, ведет к ослаблению традиционных американских институтов.

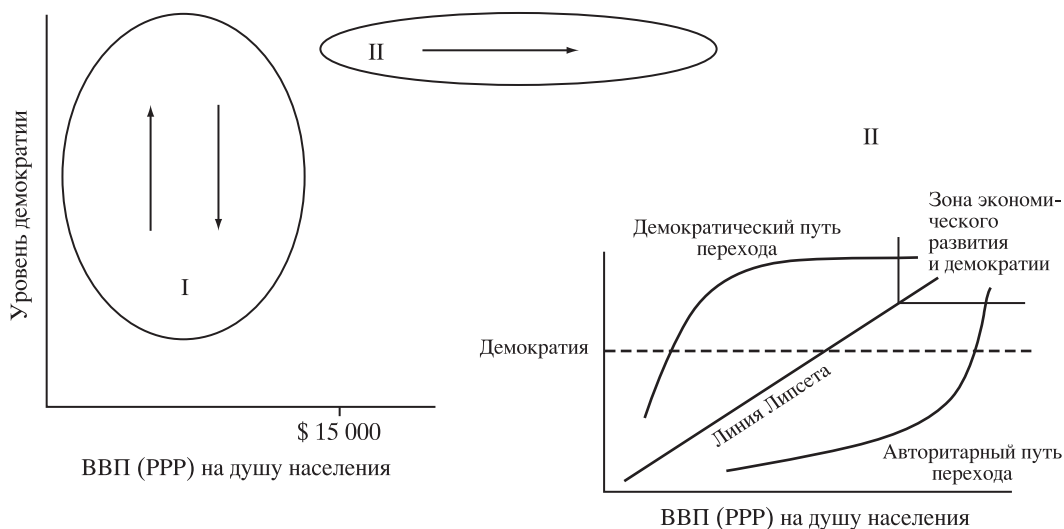

Рис. 2а. Пути к демократии и от нее. Рис. 2б. Примеры трансформации “теплых” культур в координатах “уровень демократии–ВВП на душу населения”.

Источник [Goldstone, Kocornik-Mina].

в ту же категорию можно было бы зачислить страны Тропической Африки, однако они столь молоды, что многие из них ближе к самым вторичным ранним политиям, чем к “теплым” культурам, сохранившим некоторые их черты.

В “теплых” культурах неустойчивость базовых институтов препятствует образованию институтов более высокого уровня. Естественно, что самым характерным типом правления оказывается авторитарное. Это роднит “теплые” общества с восточными и заставляет многих причислять “теплые” культуры к восточному типу. Однако существует немало различий, которые препятствуют такой путанице. Во-первых, хотя авторитарные правления в “теплых” обществах устойчивее демократических, но и они в сравнении с “холодными” восточными обществами неустойчивы, подвержены частым и сильным трансформациям и даже могут на время сменяться демократическими или квазидемократическими правлениями. Графический анализ траекторий стран в фазовом пространстве благосостояние (ВВП на душу населения) – уровень демократии, проведенный Дж. Голдстоуном и А. Кокорник-Мина, выделил два типа траекторий (см. рис. 2а, б), где вертикальные линии вверх–вниз (I) обозначают движения теплых обществ⁶, а правая стрелка сверху (II) означает движение “холодных” обществ. Более подробно путь “холодных” обществ показан на рисунке 2б, где верхняя кривая выше линии Липсета [Lipset, 1960] характерна для сообществ западного типа, а нижняя кривая – для сообществ восточного или полувосточного типа. Во-вторых, культуры “теплых” обществ также подвержены трансформациям, зачастую расколоты, и в них на первый план выходят то одни, то другие дискурсы. Внутри элиты сосуществуют конфликтующие мнения о природе своего общества, причем между преобладающими авторитарными институтами и культурными традициями царит не согласие, а разрывы и противоречия. В-третьих, несмотря на авторитарную природу власти, за исключением периодов самых страшных репрессий, люди “теплых” обществ обладают немалой свободой, часто проявляющейся в сферах, не свойственных “холодным” культурам любого типа. Например, свобода нарушать правила и законы, легкость получения про-

⁶ Я обсуждал этот вопрос в частной переписке с Дж. Голдстоуном, и в целом мы сошлись в том, что общества со сложными траекториями движения представляют особый тип культур с неустойчивыми институтами.

щения от общества за самые недостойные поступки, свобода лгать и не выполнять обещания, подвижность любых намеченных сроков (к слову, включая *deadlines* подачи статей и тезисов докладов). Недаром в России не так редко встречается мнение, что это – самая свободная страна в мире. И утверждающие об этом не столь уж неправы, они просто больше ценят иные свободы, чем люди “холодных” культур.

Исходя из этих особенностей, некоторые жители нашей страны полагают, что Россия обогнала иные страны, так как подобные свободы, подчас реально способствующие творчеству, – и есть будущее человечества. Однако с этой точкой зрения трудно согласиться, если учитывать необходимость соблюдения правил при высокой плотности проживания людей (правила дорожного движения, правила поведения в обществе, правила сохранения окружающей среды и т.д.). Скорее всего, “теплые” общества – некий аналог аморфных веществ, застывших сверхвязких жидкостей, внешне малоотличимых от истинно твердых кристаллических веществ. Нам еще предстоит пройти процесс кристаллизации (что, по-видимому, происходит в Чили или Уругвае). И, судя по тенденциям и нормам современного мира, если кристаллизация придется на ближайшие десятилетия, то Россия станет демократической западной страной. Впрочем, если кристаллизация опять отложится (что весьма вероятно), кризис на Западе возобновится через 10–12 лет в соответствии с расписанием кондратьевских циклов (что тоже весьма вероятно, см. [Korotayev, Tsirel, 2010]), а прогресс Китая и других стран восточной Азии не остановится (что уже менее вероятно), то более логично ожидать, что кристаллизовавшаяся “холодная” Россия станет модернизированной восточной автократией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гринин Л.Е. Раннее государство и его аналоги // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Вологда, 2006.
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная эволюция. Генезис и трансформация мир-системы. М., 2009.
- Даль Р. Демократия и ее критики. М., 2003.
- Коротаев А.В. Горы и демократия: к постановке проблемы // Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток, 1995.
- Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция. Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.
- Мамкаев Ю.В. Методы и закономерности эволюционной морфологии // Современная эволюционная морфология. Киев, 1991.
- Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М., 2004.
- Розов Н.С. Колея и Перевал. М., 2010 (в печати).
- Седов Е.А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Общественные науки и современность. 1993. № 5.
- Тилли Ч. Демократия. М., 2007.
- Цирель С.В. QWERTY-эффекты, *path-dependency* и закон Седова // Общественные науки и современность. 2005. № 5.
- Carneiro R. A Theory of the Origin of the State // Science. 1970. Vol. 169.
- Collins R. Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run. Stanford, 1999.
- Goldstone J.A., Kocornik-Mina A. Trajectories of Democracy and Development: New Insights from Graphic Analysis // American Sociological Review. 2010 (http://economics.uchicago.edu/pdf/goldstone_020609/pdf).
- Korotayev A.V., Tsirel S.V. A Spectral Analysis of World GDP Dynamics: Kondratieff Waves, Kuznets Swings, Juglar and Kitchin Cycles in Global Economic Development, and the 2008–2009 Economic Crisis // Structure and Dynamics. 2010. Vol. 4. № 1.
- Lipset S.M. Political Man. New York, 1960.
- Przeworski A., Alvarez M.E., Cheibub J.A., Limongi F. Democracy and Development. Cambridge, 2000.
- Turchin P. A Theory for Formation of Large Empires // Journal of Global History. 2009. Vol. 4.
- Welzel Ch., Inglehart R. Liberalism, Post-materialism, and the Growth of Freedom: the Human Development Perspective // International Review of Sociology. 2005. Vol. 15. № 1.